

2. Doneli Dzh. Prava ljudyny i zahidnyj liberalizm [Tekst] / Dzh. Doneli. – K. : Smoloskyp. – 2002. – 319 s.
3. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaat. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2009. – 704 s.
4. Habermas J. Technik und Wissenschaft als “Ideologie”. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1999. – 170 s.
5. Ostrom E. Governing the commons – the evolution of institutions for collective action. – New York : Cambridge University Press, 1990. – XVIII + 280 p.

Konovalenko–Monzolevska N. V., graduate student, National Pedagogical University M. P. Drahomanova (Ukraine, Kiev)

The philosophical justification of the freedom of speech: “ideology critique” to “governing the commons”

The question of legitimacy ways to ensure freedom of speech under the philosophical point of view is regarded not only as a political and legal, but rather as an ideological and moral. On the example of J. Habermas' philosophical researches and socio-theoretical concept of commons, developed by economist E. Ostrom, it is analyzed the logic of such legitimacy in modern society. The method of hermeneutic interpretation of Elinor Ostrom's concept of commons from the perspective of Jurgen Habermas' philosophical concept of public is applied. Any type of social freedom in general and freedom of speech in particular is enabling only due to overcoming of ideological background processes of the mass consciousness manipulating that deep distorted communication processes. Effective governing of the common good can be provided only with creating such legislation, which is not contrary to local unwritten rules. Partnerships between state and society need a rigid “opposing to authority” due to the institutional development of freedom of speech and its control by the public and the civil institutions.

Keywords: freedom of speech, legitimacy, ideology critique, governing of the commons.

Konovalenko–Monzolevska N. V., aspirantka, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ)

Философское обоснование обеспечения свободы слова: от “критики идеологии” к “управлению общим”

Вопрос легитимации путей обеспечения свободы слова под философским углом зрения рассматривается не столько как политический и правовой, сколько как идеологический и моральный. На примере философских разработок Ю. Хабермаса и социально-теоретической концепции общего, разработанной экономистом Э. Остром, проанализирована логика такой легитимации в современном обществе. Применен метод герменевтической интерпретации концепции общего Элинор Остром в контексте философской концепции ответственности Юргена Хабермаса. Любой тип развития общественной свободы вообще и свободы слова в частности, может качественно сформироваться только на фоне преодоления идеологических процессов манипуляции массовым сознанием, которая глубоко деформировало процессы коммуникации. Эффективно управлять общими благами можно, лишь создав законодательство, не противоречащее местным неписаным нормам. Партнерские отношения между государством и обществом предусматривают жесткое “оппонирование власти” благодаря институциональному развитию свободы слова и контроля над ней со стороны населения, гражданских институтов.

Ключевые слова: свобода слова, легитимация, критика идеологии, управление общим.

* * *

УДК 1:316.3:316.423

Попов В. Б.

кандидат философских наук, докторант, Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина, Луганск)

ДИВЕРСИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МАКРОЭВОЛЮЦИИ: ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКАЯ МИРОСОЦИЕТАЛЬНОСТЬ КАК ЭВОЛЮЦИОННЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДИСКЕТ

Статья I. ВИЗАНТИЙСКИЙ ВАРИАНТ

Цель данного исследования – поиск новых подходов к проблеме соотношения общего, особенного и единичного в русле тоталогической парадигмы.

Правильный путь видится через выделение концептуально значимых социетальных форм, отражающих сущностные закономерности макроэволюционных процессов, связывающих общее, особенное и единичное (тоталогические дискрет-концепты).

В подобном качестве рассматривается Восточнохристианская миросоциетальность (Византийский вариант). Ее парадигмальная значимость заключается в наиболее полном отражении циклических социально-воспроизводственных трансформаций, замыкающих исторические хроно-

ные разрывы очередным воспроизводственным витком. Развитие происходит здесь в рамках сфероидного промежуточного хронотона между западноевропейской формационностью и азиатской политарностью.

В качестве вывода отметим, что выделение тоталогических дискрет-концептов может стать важным методологическим инструментом в изучении проблемы взаимосвязи общего, особенного и единичного.

Ключевые слова: тоталогический/концептуальный дискрет, диверсификация, Социетальный Универсум, миросоциетальность.

(статья друкється мовою оригіналу)

Постнеклассическая трансформация научного познания привела его в состояние чем-то напоминающее диссипативное, некогда четкие структуры стали размываться, релятивизируя прежнее деление наук на точные и гуманитарные, вместе со строгой иерархией их эвристического потенциала. Наука из некоей кристаллической системы приобрела вид векторного поля, резолвующего самые различные тенденции, колеблющиеся под действием противоположных сил. “Квантование” научного знания вкупе с его дифференциацией/специализацией вызывает усиление интеграционистских тенденций, в частности, в русле универсального эволюционизма, распространяющего интегральную связь на все сферы научного познания. Доказательством этому служит и бурное развитие эволюционной эпистемологии [1]. В структуры “классической” науки инкорпорируются массивы не и вне научного познания (образное мышление/искусство, недискурсивная интуиция/теология, ценностно-антропные аспекты и т.д.), хотя, видимо, и не в духе соловьевского “всеединства”. Говорят уже о “меганауке” и даже “постнауке”.

Все эти процессы не могут не релятивизировать классические отношения между уровнями познания (всеобщее, особенное, единичное), наглядным подтверждением чему служит, в частности, Робертсоновский концепт (“глокализация”) а еще задолго до него “многоединство” Л. П. Красавина. Данная проблема уже затрагивалась нами [2, с. 80–84]. Полученные выводы можно свести к следующим положениям. Одинаково неприемлемым представляется как гегелевско-марксистская абсолютизация всеобщности, так и позитивистско-номиналистическая тенденция примата единичного. Правильный путь видится через выделение концептуально-значимых социетальных форм, отражающих сущностные закономерности антропоциетальности как предельной полноты бытия мир – человеческой реальности [3]. Здесь должны быть задействованы парадигмы уже постнеклассической тоталогии, основы которой были заложены В. В. Кизимой [4; 5]. Следует особо выделить положение о целостно-дискретном характере тотальности с возможностью дивергенции в любом ее компоненте [4, с. 28–31]. Тем самым определенная часть тотальности, неся в себе все свойства целого, сама оказывается тотальностью. В. В. Кизима предлагает именовать это качество “принципом диверсификации” [4, с. 30], что перекликается с гегелевскими соображениями о том, что всеобщее как тотальность предполагает, что ее различные члены суть также эта тотальность [6, с. 379, 100, 341]. Под диверсификацией исследователь понимает “излом” монотонного однообразия культурной эволюции за счет смены масштабов развертывания, например, через детализацию ее отдельных сторон (восточные культуры) [4, с. 31]. По нашему мнению, данный “излом” может происходить и по вертикали как переход с одного уровня исследования

на другой по линии “общее – особенное – единичное”. Тоталогические формы / дискретности как раз и связывают эти уровни по мере приближения ко всеобщему, становясь дискрет–концептами, то есть выразителями сущностных тенденций макроэволюционных процессов и свойств исторических объектов.

Так формационная теория возникла на материалах эволюции европейских обществ (“европейский путь развития” по Л. С. Васильеву), а неевропейские оказались в ней парадигмально чужеродным элементом. Однако их концептуализация в ходе третьего витка дискуссий по проблемам общественной макроэволюции (1987–1991 гг.) разрушила саму “пятичленку”, как предельное воплощение примата неких всемирно–исторических законов, которые, тем самым, разворачивались независимо от самой истории, а чаще всего – вопреки ей.

Постулируемый нами Антропосоциетальный Универсум формируется напряжениями идущими от двух его полюсов Исторического и Социального континуумов, где первый задает тенденцию к трансформации, прорыву в иное измерение, в иной уровень (историзация), а другой – ориентируется на воспроизводство, функционирование уже имеющегося (социализация) [3, с. 67–68]. Между двумя этими началами выстраиваются шкала дискрет–концептов, правда, с разной степенью всеобщности, что дает еще одну иерархию уже не по горизонтали, а по полноте содержания.

Традиционная Китайская (дальневосточная) миросоциетальность тяготеет к социально–воспроизводственному континууму и может рассматриваться в качестве эталонной, а Западная – к историко–трансформационному [2]. Отсюда выводится адаптивный, традиционно именуемый циклическим, тип социальной динамики и линейно–поступательный, преобразовательный (формационный) путь развития соответственно. В последнем парадигмально значимые тоталлогические формы (дискрет–концепты) выстраиваются постадиально: античность – Греция и Рим, средневековье/феодализм – Франция, Новое время/капитализм – Англия. Возможны и промежуточные формы – раннее Новое время [7] с соответствующими репрезентантами: североитальянские города, северо–запад Европы – исторические Нидерланды, а П. Ю. Уваров в подобном качестве видит еще и французский абсолютизм [7, с. 116–119].

Что касается неевропейских обществ, то с формированием всемирных структур, начиная с Великих географических открытий, нарушается однозначность и гомогенность процессов. В результате колониальной экспансии происходит разрыв с традиционным Востоком и возникают новые формы, утратившие в известной мере традиционалистскую идентичность, но не ставшие однотипными с западными. Не вдаваясь в проблему “восточного” капитализма и “догоняющей” модернизации, отметим, что, как нам представляется, эти трансформации носят нелинейный, астадиальный характер [8], а общества, возникшие в итоге, – это продукт качественно нового типа общественной макроэволюции – сопряженного [9, с. 19–50, 52–53]. Определения типа “смешанное”, “гибридное”, “переходное” общество слабо отражают суть дела, поскольку прошлое и будущее здесь не разведены во времени, а сосуществуют не

в виде “пережитков” и “современности”, а совмещены в сфероидном континууме будущепрошлого и прошлобудущего [10, с. 428–430]. В этом и состоит сущность астадиальных и историко–социетальных форм, как неформационных, где их динамика представлена в нелинейных типах развития (маятниковый, циклический, сопряженный), опосредуясь отношениями превращенности [11].

Антропосоциетальный Универсум не конституируется единственной шкалой, связывающей Исторический и Социальный континуумы, Трансформацию и Воспроизводство, а представлен в виде поля взаимодействия, формируемый целым рядом бинарных связей, касающихся тех или иных измерений антропосоциетальности [3, с. 67–69]. Попытка дать исчерпывающий набор связей представляется бесперспективной ввиду неисчерпаемости человеческого миробытия. В качестве наиболее фундаментальных, в рамках нашей парадигмы, помимо вышеназванных, можно выделить следующие: Целое – Часть, Процесс – Структура, Пространство – Время. Прочие бинарные оппозиции есть производные от них или результат их взаимодействия (равномерность – неравномерность, полнота – дискретность, условийность – событийность, гомогенность – гетерогенность, интеграция – фрагментация, коммунитарность – индивидуальность и т.д.). Свой перечень связей–дихотомий, по линии глобальное – локальное, отчасти пересекающийся с нашим, дает и М. А. Чешков [12, с. 74]. Оба они могут рассматриваться как взаимодополняющие.

Итак, если развитие Западной и Китайской/дальневосточной миросоциетальности имеет смысл рассматривать как парадигмальные эволюционные дискретности (дискрет–концепты), то возможно ли выделение прочих в общей сетке бинарных оппозиций? В этой связи нам хотелось бы рассмотреть в подобном качестве Восточнохристианскую миросоциетальность. Правомочность ее существования в качестве макроцивилизационной общности вполне убедительно доказывается Ю. В. Павленко, равно как и ее структура (Византийско–Восточнохристианская и Восточнославянская цивилизации) [13]. А. С. Ахиезер определяет социодинамику последней как инверсионный тип развития, как типологически промежуточную цивилизацию, “зависшую” между двумя полюсами – традиционным и либеральным [14, с. 312–317]. Таким образом, типологическая промежуточность здесь находится скорее в континууме временного доминирования (хронотопе), отличающегося, однако, от Западного тем, что Историческое время/пространство здесь не обрело такой же трансформирующей силы, способной перевести общество на стадиально высшую ступень, что касается прежде всего Византии. В Восточнославянской же миросоциетальности стадиальность разворачивается в отдельной системе координат (переход к индустриальной экономике, в отдельных направлениях социокультурной сферы и т.п.).

Отсюда все попытки истолковать Византийскую миросоциетальность в линейно–поступательном, формационном духе сталкиваются с весьма серьезными затруднениями [15, с. 174–191, 198–200]. Достаточно сказать, что даже наиболее стойкие адепты византийского феодализма (например, Г. Г. Литаврин) стали использовать феодальную терминологию по отношению к визан-

тийському обществу весьма амбивалентно, скорее не в формационном смысле, а в институционально-политическом [16]. Впрочем, об элементах феодализма Византии писал еще Х. Г. Дельбрюк и ряд его современников [17, с. 485–486]. Современные исследователи и подавно стремятся всячески избегать термина “феодализм” применительно к византийскому обществу. Так К. В. Хвостова не применяет его вообще в своей монографии, но при этом неоднократно подчеркивает существенные различия между западноевропейским средневековьем, где этот термин, видимо, имеет право на существование, и Византией [18, с. 37, 71, 76, 89–90, 127–128].

К. В. Хвостова решительно настаивает на парадигмальной значимости Византийской цивилизации во всемирном историко-цивилизационном процессе. Однако остается нераскрытым ее базисный концепт (“историческая парадигма”), а также, в чем именно заключается парадигмальность византийской цивилизации. У автора есть разве что разрозненные соображения о том, что данная цивилизационная общность как историческая парадигма характеризовалась промежуточностью между средневековым Западом и мусульманским Востоком [18, с. 89–90]. Кроме того, указывается, что византийский цивилизационный парадигма характеризуется континуитетом во всех сферах общественной жизнедеятельности [18, с. 206]. Вот, собственно, и все. Ну разве что в структуру византийской исторической парадигмы включается и феномен ее специфической городской жизни [18, с. 174]. Впрочем, и здесь отсутствуют четкие выводы о парадигмальном значении византийского города. Думается все же, что смысл, вкладываемый К. В. Хвостовой в термин “историческая парадигма”, вполне соответствует нашему (тоталлогическая форма/дискрет – дискрет–концепт – парадигмальный эволюционный дискрет).

На наш взгляд, генезис византийского общества связан с эволюцией такой особой исторической формы социальности как позднеантичная. Структурообразующим элементом здесь была фискально-административная система, которой принадлежит определяющая роль в формировании специфического византийского типа общественного устройства. Государство здесь, как и на Востоке, пронизывает все уровни социальности, выступает в качестве как производительной силы, так и коммуникативной системы. Ю. И. Семенов определяет социально-экономический строй Византии как политарную параформацию, возникшую на базе постсерварного (пострабовладельческого) антично-политомагнарного общества (завершающий этап античного способа производства, его тупиковый вариант, характеризующийся слиянием политарных отношений с магнарными – колонат) [19, с. 445, 454, 460, 470–471]. Принадлежность Византии к одной из разновидностей политаризма представляется несомненной, равно как и типологическая промежуточность между классическими восточными формами и западноевропейским феодализмом.

Процесс феодализации крупного военно-государственного землевладения (о чем и говорит, в частности, Г. Г. Литаврин, напр. [16, с. 3–5, 11]) не получил окончательного завершения, не структурировался в феодальную систему, будучи блокированным все теми

же государственно-бюрократическими централизованными институтами. Сращенность общества и государства приводило к тому, что каждый социально-экономический и общественно-политический кризис был одновременно и кризисом византийской государственности. После очередного кризиса государственности централизованная система управления регенерировала, что позволяет говорить о нелинейной, циклической форме социальной динамики, опять-таки сближающейся с восточными образцами.

Отсутствие формационного перехода от рабовладения к феодализму в византийской истории в духе “пятичленки” еще не свидетельствует о ее иммобильности. Это иной тип социальной динамики, связанный с колебательными процессами ассимиляции инноваций, идущих из способа производства (сфера поземельных отношений вообще и военно-государственное землевладение в частности). Колебательные движения между централизаторским и местническим началом составляют ряд циклов, каждый из которых создает качественно новую ситуацию, отличную от предыдущих. Субстратом происходящих изменений служит позднеантичное общество, развертывающееся той или иной гранью в своем замкнутом хронотопе. Даже внедрение чуждых социальных структур (латинское завоевание) лишь открыло очередную завиток данного континуума. Все последующие состояния есть лишь видоизменение исходного, не сопровождающееся прорывом в качественно иное, стадияльно-высшее измерение. Нечто подобное происходило в китайской истории вплоть до начала XX века.

Формационная догматика базируется на парадигме разрыва (социальная революция), обязанного разделить все социально-экономические, политические и социокультурные отношения на эпохи “до” и “после”. Все институты новой формации должны уже строиться на качественно иной основе, если где-то просматривается некая преемственность, “похожесть”, то она чисто внешняя, формальная. Тем самым военно-землевладельческая аристократия Сасанидского Ирана трактовалась как “феодальная”, а те же самые прослойки в Ахеменидской или Парфянской державах – как “рабовладельческие”. Однотипные формы поземельной эксплуатации позже V века именовались “феодальными”, а до того, в лучшем случае, как “рабовладельческие”, а то и просто никак.

Подобные линейно-стадияльные подходы игнорируют феномен ограниченности социально-политических практик в условиях традиционного аграрного общества. Аналогичные условия порождают сходные действия и результаты. Еще А. Я. Гуревич связывал процесс генезиса западноевропейского феодализма с концентрацией власти на местах в руках военно-управляющего класса собственников, что не могло не вызывать децентрализацию и на общегосударственном уровне [20, с. 181–182, 208, 220–223]. Эти признаки не являются сугубо западноевропейской спецификой в отличие от вассально-ленной системы, распространившейся на все сферы Западной социальности. Можно суммировать, что наличие подвластного земледельческого населения и военно-управляющей прослойки с последующей децентрализацией управления везде и всюду порождают институты феодального типа. Те чер-

ты, которые обычно тракуются как феодальные, принадлежат более широкому кругу постпервобытных докапиталистических отношений и не несут специфическую феодально-формационную принадлежность. Тем самым следует различать феодализм как систему и формацию (западноевропейское общество) и отношения феодального типа в общественно-экономической и политической сферах без формационной привязки. Последние свободно перемещаются во времени и пространстве Антропосоциальности вне всякой исторической стадильности.

Для изучения данных феноменов нами задействована категория астадиальности [10], формы которой в случае утраты полноты и самодостаточности становятся превращенными [11]. Социально-воспроизводственный континуум, постоянно продуцируя устойчивые сочетания общественных практик (ср. “инертные практики” Ж.-П. Сартра) в разные исторические эпохи всякий раз воссоздает сходные условия, которые порождают однотипные действия. Тем самым историческое своеобразие и стадильные трансформации (исторический континуум) преломляются в социально-воспроизводственных циклах. Линейно-стадиальное измерение разворачивается через астадиальное, равнооткрытое прошлым эпохам, в котором исторические формы во всех сферах общественной жизнедеятельности не исчезают в небытие, а скорее вытесняются в некое “переотложенное” состояние в параллельное измерение и могут быть активизированы и задействованы в соответствующих обстоятельствах. Именно традиционным обществам присущ данный феномен “открытости”, где прошлое непосредственно присутствует в настоящем, сливающимся с будущим. Происходит “искривление” со-циальности, смещение разновременных и разноуровневых явлений. Это обстоятельство и позволяет объяснить регенерацию, казалось, ушедших в безвозвратность форм и практик (возрождение имперской идеи и организации в Китае после нескольких веков раздробленности – достаточно яркий тому пример). В нелинейных формах общественной эволюции развитие происходит не через разрыв, а через модификацию, перекомбинирование уже имеющегося субстрата. Таким образом, актуализация прошлого является необходимым условием социальной динамики, опосредующем линейно-поступательные процессы.

Итак, имеет смысл говорить о том, что парадигмальная значимость Византийской миросоциальности в качестве эволюционного тоталлогического дискрет-концепта заключается в наиболее полном отражении ею циклических социально-воспроизводственных трансформаций, замыкающих исторические хронотопные разрывы очередным воспроизводственным витком. Все это проявилось в периодическом воспроизводстве имперской формы социальной организации, чередующихся с периодами ее дезорганизации. Тем самым развитие происходит в рамках сферического промежуточного хронотопа между западноевропейской формационностью и азиатской политархией.

Список использованных источников

1. Рузавин Г. И. Эволюционная эпистемология и самоорганизация / Г. И. Рузавин // ВФ. – 1999. – № 1. – С. 90–101.
2. Попов В. Б. Диверсификация социальности: конкретность всеобщего и концептуализация особенного (на примере Китайской мироцелостности) / В. Б. Попов // ФД. – 2010. – Вип. 11. –

С. 80–95.

3. Попов В. Б. Антропосоциальный Универсум: многомерный подход / В. Б. Попов // ПФ. – 2013. – № 1. – С. 65–74.
4. Кизима В. В. Тоталлогия / В. В. Кизима. – К. : ПАРАПАН, 2005. – 272 с.
5. Кизима В. В. Социум и бытие / В. В. Кизима. – К. : ПАРАПАН, 2007. – 204 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
7. Уваров П. Ю. Раннее Новое время: взгляд из средневековья / П. Ю. Уваров // ННИ. – 2011. – № 2. – С. 109–120.
8. Попов В. Б. Астадиальные трансформации в структурах социальности многомерности / В. Б. Попов // Гілея. – 2010. – Вип. 37. – С. 269–283.
9. Попов В. Б. Синхронное и диахронное измерения всемирной истории / В. Б. Попов // ПФ. – 2004. – № 4. – С. 46–58.
10. Попов В. Б. Феномен астадиальности в процессах общественной эволюции / В. Б. Попов // Гілея. – 2013. – Вип. 70. – С. 423–432.
11. Попов В. Б. Превращенные формы в структуре нелинейных эволюционных процессов / В. Б. Попов // Грані. – 2012. – Вип. 92. – С. 48–52.
12. Чешков М. А. Двойная спираль глобализации / М. А. Чешков. – М. : ИМЭМО РАН, 2007. – 178 с.
13. Павленко Ю. Восточнохристианская цивилизационная система и ее место во всемирно-историческом процессе / Юрий Павленко // СТММ. – 2001. – № 4. – С. 46–68.
14. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – М. : Изд-во ФО СССР, 1991. – Ч. 1. – 320 с.
15. Історія і теорія світових цивілізацій / за ред. І. В. Довжука. – Луганськ : СТУ, 2012. – 1088 с.
16. Литаврин Г. Г. Парик и арендатор / Г. Г. Литаврин // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 3–12.
17. Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства / Ганс Дельбрюк. – М. : ЭКСМО, 2008. – 864 с.
18. Хвостова К. В. Византийская цивилизация как историческая парадигма / К. В. Хвостова. – СПб. : Алетейя, 2009. – 208 с.
19. Семенов Ю. И. Философия истории / Ю. И. Семенов. – М. : Современные тетради, 2003. – 776 с.
20. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А. Я. Гуревич. – М. : Высш. школа, 1970. – 224 с.

References

1. Ruzavin G. I. Jevoljucionnaja jepistemologija i samoorganizacija / G. I. Ruzavin // VF. – 1999. – № 1. – S. 90–101.
2. Popov V. B. Diversifikacija social'nosti: konkretnost' vseobshhego i konceptualizacija osobennogo (na primere Kitajskoj mirocelostnosti) / V. B. Popov // FD. – 2010. – Vip. 11. – S. 80–95.
3. Popov V. B. Antroposocietal'nyj Universum: mnogomernyj podhod / V. B. Popov // PF. – 2013. – № 1. – S. 65–74.
4. Kizima V. V. Totallogija / V. V. Kizima. – K. : PARAPAN, 2005. – 272 s.
5. Kizima V. V. Socium i bytie / V. V. Kizima. – K. : PARAPAN, 2007. – 204 s.
6. Gegel' G. V. F. Jenciklopedija filosofskih nauk / Georg Vil'gel'm Fridrih Gegel'. – M. : Mysl', 1974. – T. 1. – 452 s.
7. Uvarov P. Ju. Rannee Novoe vremja: vzgljad iz srednevekov'ja / P. Ju. Uvarov // NNI. – 2011. – № 2. – S. 109–120.
8. Popov V. B. Astadial'nye transformacii v strukturah societal'noj mnogomernosti / V. B. Popov // Gileja. – 2010. – Vip. 37. – S. 269–283.
9. Popov V. B. Sinhronnoe i diahronnoe izmerenija vsemirnoj istorii / V. B. Popov // PF. – 2004. – № 4. – S. 46–58.
10. Popov V. B. Fenomen astadial'nosti v processah obshhestvennoj jevoljucii / V. B. Popov // Gileja. – 2013. – Vip. 70. – S. 423–432.
11. Popov V. B. Prevrashennye formy v strukture nelinejnyh jevoljucionnyh processov / V. B. Popov // Grani. – 2012. – Vip. 92. – S. 48–52.
12. Cheshkov M. A. Dvojnaja spiral' globalizacii / M. A. Cheshkov. – M. : IMJeMO RAN, 2007. – 178 s.
13. Pavlenko Ju. Vostochnohristianskaja civilizacionnaja sistema i ee mesto vo vsemirno-istoricheskom processe / Jurij Pavlenko // STMM. – 2001. – № 4. – S. 46–68.
14. Ahiezer A. S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta / A. S. Ahiezer. – M. : Izd-vo FO SSSR, 1991. – Ch. 1. – 320 s.
15. Istorija i teorija svitovyh cyvilizacij / Za red. I. V. Dovzhuka. –

Lugans'k : SNU, 2012. – 1088 s.

16. Litavrin G. G. Parik i arendator / G. G. Litavrin // VV. – 1991. – Т. 52. – С. 3–12.

17. Del'brjuk G. Vseobshhaja istorija voennogo iskusstva / Gans Del'brjuk. – М. : JeKSMO, 2008. – 864 s.

18. Hvostova K. V. Vizantijskaja civilizacija kak istoricheskaja paradigma / K. V. Hvostova. – SPb. : Aletejja, 2009. – 208 s.

19. Semenov Ju. I. Filosofija istorii / Ju. I. Semenov. – М. : Sovremennye tetradi, 2003. – 776 s.

20. Gurevich A. Ja. Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoj Evrope / A. Ja. Gurevich. – М. : Vyssh. shkola, 1970. – 224 s.

Список сокращений

- ВВ – Византийский временник
ВФ – Вопросы философии
ННИ – Новая и новейшая история
ПФ – Практична філософія
СТММ – Социология: теория, методы, маркетинг
ФД – Філософські дослідження

Popov V. B., PhD, Doctoral candidate of Luhansk Taras Shevchenko National University (Ukraine, Lugansk)

Diversization of social macroevolution: East-Christian world sociotality as evolutionary conceptual discrete. Article I. Byzantion variant

The purpose of this research – looking for new approaches to the problem of the relation of general, special and individual in line of totallogic paradigm.

The correct way is seen through the selection conceptually significant societal forms, those reflecting the essential patterns of macro evolutionary processes, which are linking general, special and individual (totallogic discrete concepts).

Eastern-Christian (Byzantine version) sociotality is considered in this view. Its paradigmatic significance lies in the most complete reflection of cyclical social reproductive transformations, those, completing historical chronotope breaks by means of another reproductive loop. Thus development occurs within the spheroid intermediate chronotope between Western European formationism and Asian politarism.

In conclusion, we note that the pointing out of totallogic discrete concepts can be an important methodological tool in the study of the relationship of general, specific and individual.

Keywords: totallogical/conceptual discrete, diversization, Societal Universum, world sociotality.

Попов В. Б., кандидат філософських наук, докторант, Луганський національний університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Луганськ)

Диверсифікація суспільної макроеволюції: Східнохристиянська світосоціотальність як еволюційний концептуальний дискрет. Стаття I. Візантійський варіант

Мета дослідження – пошук нових підходів до проблеми співвідношення загального, особливого й одиничного в руслі тоталогічної парадигми.

Правильний шлях бачиться через виокремлення концептуально значущих соціотальних форм, які відображають суттєві закономірності макроеволюційних процесів, що пов'язують загальне, особливе й одиничне (тоталогічні дискрет-концепти).

У такому ракурсі розглядається Східнохристиянська світосоціотальність (Візантійський варіант). Її парадигмальна значущість полягає в якнайповнішому відображенні циклічних соціально-відтворювальних трансформацій, що завершують історичні хронотонні розриви черговим відтворювальним витком. Розвиток відбувається тут в рамках сфероїдного проміжного хронотопу між західноєвропейською формаційністю та азіатською політарністю.

Значачим, що виокремлення тоталогічних дискрет-концептів може стати важливим методологічним інструментом у вивченні проблеми взаємозв'язку загального, особливого та одиничного.

Ключові слова: тоталогічний/концептуальний дискрет, диверсифікація, Соціотальний Універсум, світосоціотальність.

* * *

УДК 001.18:61

Годзь Н. Б.

кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії, Національний технічний університет "Харківський політехнічний інститут" (Україна, Харків), natasha.doz.f@rambler.ru

ПРОБЛЕМИ МЕДИЦИНИ ТА ФУТУРОЛОГІЯ

Розглянуто проблеми становлення футурології. Ставляться певні задачі екологічної футурології в світлі філософського осянення задачі медицини з метою збереження здорового людства та його природного оточуючого середо-

вища. Авторка аналізує перелік периочергових причин, які заважають науковості передбачення у світлі медичної проблематики екології людини. На наш погляд, розробка концепції майбутнього (на разі й майбутньої медицини) – повинна спиратися на екологічну компоненту, внаслідок чого ми пропонуємо ввести поняття "Екологічна футурологія". Слід створювати проекти медичних установ з врахуванням "природної людини" (а відповідно, й природних умов) та з вкладеними у ці проекти можливостями для додавання та переробки непередбаченого. Підкреслюється взаємозалежність між здоров'ям пацієнтів та медичного персоналу. Наполягаємо, що незалежно від економічного стану ці проекти мусять створюватися хай й у "віртуальній" формі та викликати резонансне обговорення спільноти.

Ключові слова: прогностика, передбачення, біофілософія, футурологія, екологічна футурологія, медицина, майбутнє, здоров'я, система, модель.

Поряд з дослідженням питань статусу та стану здоров'я, продовжується дослідження феномену та поняття "ноосфера" та здійснюються міжнародні проекти глобального дослідження людини. Як зазначено, у 2003 р. міжнародний проект "Геном людини" завершено складанням карти людського генома, а у 2005 р. завершена робота запису генома шимпанзе (автори джерела посилаються на роботу М. Адамса, К. Вентера та ін.). При цьому було при порівнянні виявлено, що відмінність у структурі ядерної ДНК складає 4%, а якщо дослідити історично – ретроспективним методом наукові роботи. то вже Дарвін знав, що група вищих мавп мають спільні з людиною інфекційні захворювання. та навіть "людські" захворювання можуть розвиватися й у цій групі ссавців (наприклад, прищеплений брючний тиф, який вважали виключно людським захворюванням) [Див. 16, с. 52–53]. Сучасні технології обробки ґрунту та занадто активне введення до харчової промисловості та сільськогосподарського виробництва не тільки нових технологій, але й методів прискорення росту та збереження та виготовлення продукції ставить на обвісті два запитання – питання майбутнього людини взагалі як репродуктивного виду та питання екологічної генетики. Пояснимо, що екологічна генетика це вже існуючий науковий напрям, за допомогою якого вивчаються генетичні основи наслідування та мінливості у адаптивних реакціях, які проходять на різних рівнях організму. Хоча ще невідома дія генномодифікованих продуктів, але вже активно вони вводяться у природні системи кругообігу. Дані, отримані на рівні дослідження більш примітивних тварин вже доводять, що в першу чергу уражена травна система таких піддослідних, та що саме головне й небезпечне – знищується репродуктивна функція.

Ми створюємо моделі майбутнього існування людства та біосфери у рамках ноосферного мислення, але залишається одне з найбільш гострих запитань – питання достовірності та відповідності реальності прогностичних моделей, особливо у світлі футурологічних (найбільш далеко спрямованих) проектів. Далеко скеровані проекти неможливо перевірити на ступінь їх валідності та на ступінь ризику. Постає питання аналізу підстав, які впливають на вмотивованість вибору наукових та практичних стратегій розвитку, оскільки сьогоденні системи цінностей практичного рівня розвитку суспільства потреб, дуже вмотивовують відповідний погляд на майбутнє суспільство та роботу наукових інститутів, пригнічуючи рівень критичного осянення та переоцінки потреб індивіда, суспільства та науки. Сьогоднішні та вчорашні стереотипи мислення (на разі й технічного) у плані вгадування та попередження майбутніх цілей та перспектив використовують лінійну схему мислення. на разі й технічного. Ми не